

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: УРОКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

THE PERSONALITY OF THE AUTHOR IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LESSONS FROM THE GENERAL THEORY OF AUTHORSHIP

Алим Хусейнович УЛЬБАШЕВ

Ассоциация адвокатов штата Нью-Йорк, Нью-Йорк,
США,
alim-ulbashev@mail.ru,
ID# GVG-4776-2022

Информация об авторе

А.Х. Ульбашев — адвокат, член Ассоциации адвокатов штата Нью-Йорк, кандидат юридических наук, LL.M.

Аннотация. Статья посвящена проблематике правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ) и статусу автора в информационных правоотношениях. В частности, ставится вопрос о принципиальной возможности наделения ИИ самостоятельными правами и обязанностями. Для решения поставленной задачи анализируются общая теория авторства.

Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и их экономическая ценность определяются не только особенностями объекта прав, но и характеристиками лица, принимающего непосредственное участие в их создании. При этом авторами могут быть признаны лишь физические лица (граждане). Стало быть, охрана прав автора подлежит рассмотрению в более общем контексте защиты прав человека.

Аргументировано, что искусственный интеллект *per se* не является автором произведения. По общему правилу автором считается лицо, эксплуатирующее искусственный интеллект в своих интересах. Искусственный интеллект не может обладать личными неимущественными правами, носителем которых также может быть лишь физическое лицо (гражданин).

О необоснованности признания правосубъектности за искусственным интеллектом свидетельствует весь исторический опыт развития правовой мысли в России и за рубежом. Юрисдикции, основанные на римской правовой традиции, отводят человеку и его правам

- главенствующую роль в системе права. Уравнивание
- правового статуса людей и машин, программ и роботов
- привело бы к умалению прав и свобод граждан.
- Таким образом, ИИ, несмотря на его важное
- значение в жизни современного общества, не образует
- самостоятельную правосубъектность. В экономическом
- смысле он является орудием труда, в юридическом —
- должен быть квалифицирован в качестве объекта прав.

- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, ИИ, общая теория авторства, личность автора, личные права, юридическая ответственность

- **Для цитирования:** Ульбашев А.Х. Личность автора в эпоху искусственного интеллекта: уроки общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 50, № 3. С. 74–82; 10.17323/tis.2024.22301

Alim Kh. ULBASHEV

New York State Bar Association, New York, USA,
alim-ulbashev@mail.ru,
ID# GVG-4776-2022

Information about the author

A.Kh. Ulbashev — member of New York State Bar Association, Candidate of Legal Sciences, LL.M, Esq.

- **Abstract.** The article covers the problems of the legal personality of artificial intelligence and the role of human beings as creators. In particular, the article discusses the fundamental possibility of vesting artificial intelligence with legal rights and responsibilities. To solve the issue, the author turns to the general theory of authorship.

- It is argued that artificial intelligence *per se* is not the author. As a general rule, the author is a natural person who

exploits artificial intelligence to achieve their own goals. For this reason, artificial intelligence, unlike an individual (citizen), does not have and enjoy personal rights.

In addition, the entire historical experience supports the idea that it is unreasonable to recognize the legal personality of artificial intelligence. Jurisdictions adhering to the traditions of Roman law assign a dominant role to human beings as the main subject of the legal system. Equalization of the legal status of people, machines, and robots would lead to a diminution of the rights and freedoms of citizens themselves and destroy the legal system.

Based on these arguments, it is concluded that artificial intelligence, despite its importance in the life of modern society, does not form an independent legal personality. Being an instrument of labor in economic sense of the word, in legal terms an artificial intelligence should be qualified as an object of rights, not their subject.

Keywords: artificial intelligence, AI, general theory of authorship, author's personality, personal rights, legal responsibility

For citation: *Ulbashv A.Kh. The Personality of the Author in the Era of Artificial Intelligence: Lessons from the General Theory of Authorship // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 50 (3). P. 74–82; 10.17323/tis.2024.22301*

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одним из основополагающих (конститутивных) принципов права интеллектуальной собственности традиционно называется новизна результатов интеллектуальной деятельности. Утверждается, что «авторское право охраняет лишь те творческие результаты, которые обладают объективной новизной» [1]. В свою очередь, объективная новизна состоит в «неизвестности полученного творческого результата не только для его создателя, но и для остальных лиц» [там же]¹.

Господствующее в российском частном праве понимание новизны как принципиальной характеристики и критерия охраноспособности восходит к категории творчества — в частности, известно выражение М.В. Гордона, что «для элемента творчества характерным является прежде всего то, что произведение отличается *существенной новизной* (курсив мой. — А.У), говорящей о самостоятельной работе автора» [3]. Иными словами, по мнению М.В. Гордона, разделяемому сегодня большинством исследователей права интеллектуальной собственности, результат интеллектуальной деятельности охраноспособен тогда, когда он создан творческими усилиями, в результате приложения которых возникает «существенно новый объект» [4].

Неслучайно поэтому отдельные положения Гражданского кодекса РФ содержат прямое указание на новизну как особое условие придания правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности (ст. 1350, 1437 ГК РФ и др.) [5].

Отсюда следует вопрос: как квалифицировать отношения, в рамках которых, хотя и создаются существенно новые результаты интеллектуальной деятельности, но без участия или с ограниченным участием физического лица (гражданина) в процессе их создания? Речь идет о получивших распространение технологиях искусственного интеллекта (ИИ), способных имитировать творческую деятельность человека и в конечном счете производить уникальные про-

¹ О взаимосвязи категорий творчества и новизны высказывались и другие отечественные правоведы, в том числе Е.Л. Вакман, И.А. Грингольц, О.С. Иоффе, Н.А. Райгородский, В.И. Серебровский и др. См. подробнее [2, с. 17–19, 22–26].

дукты, формально отвечающие требованиям закона, традиционно предъявляемым к объектам интеллектуальной деятельности в части их новизны [6]. Можно ли в этой связи говорить, что ИИ (программа, робот, компьютер, машина и т.д.) являет собой самостоятельную фигуру субъекта-правообладателя?

Ответ на поставленный вопрос требует обращения к общей теории авторства, которая «предназначен[а] не для того, чтобы прийти на смену существующей доктрине интеллектуальной собственности, а для того, чтобы с помощью “логической чистки понятий” (Г. Маркузе) и построения соответствующей метатеории выявить в ней пробелы и противоречия и позволить на продвинутом этапе перестроить ее, а следовательно, сделать более совершенными и прогнозируемыми как законодательство, так и правоприменение» [7, с. 40].

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ПОВОДУ АВТОРСТВА

Оценка охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности исключительно на основе признаков самих объектов *per se* (в данном случае — объективной новизны) игнорирует философские и психологические представления о природе человеческой деятельности. Как известно, еще в 1930-е гг. выдающийся отечественный психолог С.Л. Рубинштейн доказал, что «деятельность и сознание — не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое, не тождество, но единство» [8]. Что еще важнее, С.Л. Рубинштейн рассматривал деятельность как последовательность действий, направленных на достижение конкретной цели, желаемой (искомой) субъектом.

Развивая данный тезис, в 1980-е гг. А.Г. Асмолов пришел к выводу, что «подчиненность активности какой-либо конечной, заранее установленной цели и составляет ту существенную особенность, на основе которой мы оцениваем поведение как адаптивное» [9].

Сказанное в полной мере применимо и к творческой (интеллектуальной) деятельности человека: во-первых, она неразрывно связана с сознанием личности; во-вторых, она направлена на достижение поставленных человеком целей (удовлетворение материальных и духовных потребностей и т.д.).

Кроме того, до настоящего времени не опровергнуто наблюдение Карла Маркса, что «паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска,

он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт» [10]. Из сказанного можно предположить, что интеллектуальная деятельность как деятельность сознательная свойственна лишь человеку. Действия животных и машин диктуются другими факторами (в случае животных их поведение предопределено инстинктами, действия машин подчинены алгоритмам, заложенным в предустановленных программах, и т.д.).

Закономерно, что еще древние правовые системы, включая римское право, отводили именно человеку исключительный статус субъекта права [11]. С юридической точки зрения всякое правоотношение, будучи разновидностью общественных связей, формируется при участии людей либо субъектов *sui generis*, имеющих так называемый человеческий субстрат (имеются в виду юридические лица и публично-правовые образования) [12]. Даже если допустить, что искусственный интеллект может быть наделен «фиктивной правосубъектностью» по модели юридических лиц, то подобное предложение не выдержит никакой критики: юридическое лицо правосубъектно постольку, поскольку оно обладает имуществом, т.е. выступает в качестве персонализированного имущества [13]. Очевидно, что ИИ не является собственником, он не участвует в имущественном обороте, а потому не может считаться юридическим лицом.

Следовательно, невозможны правоотношения, в которых не участвовали бы люди. К тому же понятно, что ИИ нельзя отнести ни к одной из перечисленных категорий. В отличие от человека, не обладая собственным сознанием и волей, ИИ, хотя и достигает значительных результатов в производственной деятельности, но не образует особую субъектность в контексте общественных связей.

Искусственный интеллект не замещает человека и не становится самостоятельным субъектом правоотношений, а служит еще одним, пускай и самым совершенным, средством (орудием, инструментом) человеческой деятельности. Даже самые сложные операции, совершаемые искусственным интеллектом (математические расчеты, комплексная постановка и решение научных задач, генерирование и редактирование текстов и т.д.), возможны лишь по воле человека.

Следовательно, результаты интеллектуальной деятельности, созданные с применением ИИ, охрано-

способны не «сами по себе», а лишь при наличии физического лица, позиционирующего себя или позиционируемого третьими лицами в качестве автора. Тот факт, что автор использует в своей деятельности ИИ, не умаляет его роль как творца и правообладателя.

Для подтверждения последнего тезиса рассмотрим, на первый взгляд, отвлеченный пример. Допустим, писатель создал художественное произведение, допустив множество орфографических и стилистических ошибок. Несмотря на существенные недостатки, издательство, рассмотрев рукопись, проявило к ней интерес и приняло решение опубликовать произведение. Очевидно, что публикации предшествуют кропотливая редакторская и корректорская обработка, предпечатная подготовка (с учетом положений п. 3 ст. 1266 ГК РФ о недопустимости искажения замысла автора и соблюдения целостности восприятия произведения). Вместе с тем редакторы, корректоры и прочие сотрудники издательства, готовящие рукопись к печати, не становятся соавторами «обновленного» произведения. Единственным автором признается лишь сам писатель, первоначально предложивший рукопись издательству.

Придерживаясь этой же логики, можно заключить, что и лицо, создавшее произведение при помощи искусственного интеллекта, также сохраняет авторскую «монополию» (в этом смысле ИИ выступает в том же качестве, что редактор и корректор в издательстве, но при этом не становится соавтором, ибо его роль остается по-прежнему подчиненной воле автора). Приведенный довод находит подтверждение и в науке гражданского права. Так, по справедливому замечанию В.Я. Ионаса, «мы видим, что объектами авторского права могут быть произведения, созданные без использования чужого труда <...> или с использованием чужого труда. <...>» [2, с. 12].

Сказанное позволяет прийти к выводу, что необходимым элементом юридического состава, порождающего охраноспособность результатов интеллектуальной деятельности, является не только создание оригинального объекта правовой охраны, но и наличие автора. В тех случаях, в которых автор не раскрывает авторства (в силу смерти, опасений политических преследований или по другим причинам), авторство презюмируется за неустановленным лицом, от имени и в интересах которого действует издатель (п. 3 ст. 1049 ГК РФ).

Отсюда следует общее правило, что правоотношение по поводу авторства априори не может считаться «бессубъектным». Наделение же искусственного интеллекта — де-юре не субъекта права — субъективными правами и обязанностями стало бы юридическим нонсенсом и привело бы к разрушению целостной системы права.

ЛИЧНЫЕ ПРАВА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

Изложенный подход имеет ясное этическое содержание: признание авторства лишь за физическим лицом это проявление уважения к его индивидуальным качествам, побудившим к ведению интеллектуальной деятельности. Человек как существо разумное (*homo sapiens*) занимает особое место в природе, что и должно находить отражение в законодательстве. Показательно, что ст. 2 Конституции РФ называет человека, его права и свободы высшей ценностью [14].

Однозначную позицию по данному вопросу занимает ГК РФ, в ст. 1257 которого прямо установлено, что автором произведения может считаться только физическое лицо (гражданин). Данное положение закона выражает гуманистическую сущность авторского права, его направленность на защиту человеческой личности и личных прав. Не теряет актуальности суждение Е.А. Флейшиц, что научное, литературное и художественное произведение, как и изобретение, «неотделимы от личности автора» в особом смысле. В них, если это только подлинно новая духовная продукция, воплотились долгие мысли и искания, в них запечатлен длинный ряд преодоленных трудностей и нередко мучительных сомнений, они «произведены» автором, созданы им и, конечно, всегда носят печать его индивидуальности [15].

Отечественное право наследует традиционный взгляд на человека как единственного субъекта интеллектуальной деятельности. Будучи единственным в своем роде разумным существом, лишь человек способен заниматься творчеством в полном смысле этого слова.

В зарубежном праве подобный вопрос возник применительно к «творчеству» животных, птиц и растений (в частности, ставился вопрос о правовом режиме картин, созданных дельфинами и т.д.). В руководстве, выпущенном Бюро по регистрации авторских прав США (U.S. Copyright Office), содержится однозначное разъяснение:

«306. Бюро по регистрации авторских прав США регистрирует оригинальное авторское произведение при условии, что произведение создано человеком.

Закон об авторском праве защищает только «плоды интеллектуального труда», которые «основаны творческими силами ума». *Trade-Mark Cases*, 100 U.S. 82, 94 (1879). В силу того, что закон об авторском праве ограничивается «оригинальными интеллектуальными концепциями автора», Бюро примет решение об отказе в регистрации, если будет установлено, что человек не принимал участия в его создании. *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Saroni*, 111 U.S. 53, 58 (1884)» [16].

Чем объясняется подобный консерватизм отечественного и иностранного правопорядков? Ответ на поставленный вопрос следует искать в понимании личности автора как обладателя «творческих сил ума». Подобные «силы» основаны на личном опыте человека, его образовании, воспитании, взглядах, ценностях, среде общения и т.д. Не требует дополнительных пояснений то, что названные факторы в серьезной мере влияют на формирование индивидуальных качеств автора. Ничем из перечисленного искусственный интеллект не обладает по определению.

В частном праве упоминаемые индивидуальные качества охраняются самостоятельной группой личных неимущественных прав. В авторском праве таковыми признаются право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения и право на обнародование (ст. 1255 ГК РФ). В патентном праве и праве на селекционные достижения к числу личных прав относится право авторства (ст. 1345, 1408 ГК РФ).

Принято считать, что личные права носят «второстепенный» характер по отношению к правам имущественным. Не разрешая вопрос о балансе имущественных и личных неимущественных прав в системе гражданского права в целом, оговоримся, что в правоотношениях, возникающих в связи и по поводу авторства, личным правам должно отводиться центральное место, ведь именно в них находит воплощение идея о защите личности автора как творца.

Несмотря на известное выражение Р. Барта о «смерти автора» (*la mort de l'auteur*), о необходимости «раскрепощения читателя» и его «освобождении от тирании толкования» [17], в юридической практике нельзя аналогичным образом защищать объект интеллектуальных прав вне связи с автором.

Дело в том, что всякий объект зачастую не может быть познан без субъекта. В свою очередь, субъект является носителем уникальных качеств и характеристик, в конечном счете определяющих создаваемый им объект. К слову, такие характеристики, влияющие на особенности речевого поведения, играют решающую роль в автороведческих экспертизах по установлению (идентификации) автора (например, в судебных делах об оспаривании авторства анализ текста по общему правилу требует изучения личности потенциального автора, его образования, общего уровня грамотности, его устной речи и письма для сопоставления со спорным образцом). Поэтому представляется верной точка зрения М.А. Федотова, что в концепте общей теории авторства «в центре всей экосистемы интеллектуальной собственности [стоит] именно автор, а не результат его интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, то есть объект

права» [7, с. 41]. В свою очередь, ИИ не обладает индивидуальными особенностями, поэтому и считается автором не может.

Но остается открытым вопрос: кто в таком случае признается автором результата интеллектуальной деятельности, созданного машиной или программой? Представляется, что ответ зависит от ряда дополнительных обстоятельств. Если спорный объект создан *при помощи* искусственного интеллекта, но ключевую роль в его создании сыграл человек, то данный гражданин и будет считаться автором. Если же объект *всего* создан искусственным интеллектом, то действует презумпция отсутствия авторства, а значит, ни одно лицо не наделяется какими-либо правами в отношении спорного объекта (применима аналогия с нормой п. 6 ст. 1259 ГК РФ о произведениях, не признаваемых объектами авторских прав в связи с невозможностью установления их авторства).

Надо оговориться, что второй вариант, при котором ни один гражданин не может считаться автором, кажется маловероятным и исключительным, так как физическое лицо в той или иной мере всегда вовлечено в творческий процесс с применением искусственного интеллекта (постановка задачи, введение исходных параметров решаемой задачи и т.д.) и в силу этого наделяется правами автора.

Примечательно, что схожая проблема обсуждалась в XIX в. в отношении авторских прав на фотографии. Считалось, что фотограф не участвует в создании фотографии, а потому не может заявлять о своем авторстве на конечный продукт. При этом труд фотографа противопоставлялся труду художника, которому приходится прикладывать значительно больше физических усилий для написания картины. Но позже стало ясно, что и труд фотографа не сводится к механическому нажатию кнопки фотоаппарата — он также подбирает ракурс и свет, выбирает удачный фон, организует объекты в кадре и т.д. Все это позволило заключить, что фотограф обладает авторскими правами [18].

Так и использование искусственного интеллекта всегда подчинено воле человека. защите личности автора и служит институт личных прав. В этом отношении институт личных прав, защищающий индивидуальность автора, служит помимо прочего ключом к разрешению более общего вопроса об охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи ИИ.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Итак, как было показано, искусственный интеллект не может быть наделен классическими правами, то есть

быть самостоятельным субъектом имущественных и (или) личных неимущественных прав. Можно ли предположить, что в отношении ИИ действует или, по меньшей мере, должен действовать правовой режим *sui generis*, включающий новые виды прав?

Одни авторы полагают, что «основы правового регулирования [систем искусственного интеллекта], которые могут быть заложены в ближайшее время, должны предусматривать последующую возможность признания за такими системами определенного круга прав и обязанностей в зависимости от неких критериев, которые могут свидетельствовать о развитии таких систем в нечто большее» [19].

Другая категория авторов исходит из необходимости наделения правами и обязанностями самих граждан в правоотношениях, в которых так или иначе применяется искусственный интеллект: «[Предлагается] задуматься над формированием нового поколения прав человека, которые непосредственно связаны с развитием технологий [искусственного интеллекта] и остро нуждаются в международном признании» [20].

Несмотря на имеющиеся различия, авторы, занимающие обе позиции, исходят из понимания, что современное право стоит на пороге фундаментальных перемен, которые должны отражать изменения в жизни общества. Понятно, что право как разновидность общественного сознания и составной элемент надстройки не может опережать развитие базиса (общественного бытия). Но в то же время право должно быть готово к изменениям в общественной жизни и находить им адекватное регулирование.

На сегодняшний день отсутствуют объективные предпосылки для признания правосубъектности за искусственным интеллектом. Поэтому кажутся преувеличенными рассуждения о полной или даже частичной замене человека роботами и компьютеризованными машинами. Более того, такие опасения во многом созвучны страхам, царившим в европейских обществах в эпоху промышленной революции XVIII–XIX вв. Опасаясь утраты своих привычных ролей и рабочих мест, трудящиеся заводов громили машины и станки [21]. По всей видимости, современный человек испытывает схожие чувства перед технологическим прогрессом, следствием чего служат противоречивые попытки юридической науки определить правовой режим искусственных технологий.

Если занять противоположную точку зрения и предположить, что ИИ на определенном этапе технологического развития приобретет самостоятельную правосубъектность (в том числе будет считаться полноправным автором), то нужно ответить на логичный вопрос: кто несет ответственность за действия машины, программы или робота? Для сравнения

в зарубежном (прежде всего в англо-американском) праве укоренился подход, согласно которому практическое назначение категории правосубъектности состоит в возможности привлечения к ответственности. Иными словами, правопорядок может и должен наделить лицо статусом субъекта права, если такое лицо может и должно нести самостоятельную ответственность [22].

Очевидно, что постепенное усложнение механизмов функционирования искусственного интеллекта, адаптация его функционала и возможностей к наиболее сложным практическим задачам и технологическим процессам приведет к тому, что не все операции, совершаемые ИИ, будут полностью подконтрольны человеку [23].

Несмотря на кажущуюся новизну поставленной проблемы, в действительности юридическая мысль сталкивалась с аналогичным вопросом и успешно решала его на протяжении последних столетий. Помимо упомянутых машин, появившихся в жизни человека в эпоху промышленной революции, со времен римского права юристам приходилось искать ответы на смежные вопросы об ответственности человека, «доброго мужа» (лат. *vir bonus*) [24] за силы природы или действия животных.

Безусловно, правовой режим искусственного интеллекта, громоздких фабричных машин образца XIX в. и домашних животных имеет множество различий. Однако их важнейшее сходство, определяющее необходимость единообразного правового регулирования, состоит в известной непредсказуемости и ограниченности контроля человека за их характеристиками и поведением. За прошедшие сотни лет своего развития большинство правопорядков нашли ответы на эти вопросы. Существующие подходы могут и должны быть применены с известными оговорками и к ИИ.

Вместе с тем стоит ожидать, что различные правопорядки предложат диаметрально разные подходы и модели регулирования отношений с использованием искусственного интеллекта [25]. Об этом свидетельствует то, что, например, континентально-европейские правопорядки и страны общего права традиционно придерживаются различных подходов в вопросах регулирования ответственности собственников за действия животных или вред, причиненный источниками повышенной опасности.

Вполне возможно, что различия будут восприняты и в части регулирования отношений с использованием искусственного интеллекта. Но такие различия будут носить технический характер и не смогут нивелировать главного — человек может и должен нести ответственность за действия искусственного интеллекта.

Применительно к отношениям авторства сказанное можно интерпретировать следующим образом: автор, создавший результат интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта, приобретает права в сфере авторства. Однако признание лица автором порождает для него и известные юридические последствия: в частности, данный гражданин отвечает перед третьими лицами (неся ответственность за плагиат, диффамацию и т.д.).

Вместе с тем важно упомянуть, что в условиях повсеместной цифровизации будет все сложнее довольствоваться разрозненными подходами в регулировании интеллектуальной деятельности и использовании ее результатов. И хотя, как было отмечено, многие правовые порядки будут по-прежнему склонны сохранять регуляторную автономию и следовать собственным правовым традициям, не вызывая никаких сомнений, что в XXI в. проблема межгосударственной кооперации заметно возрастет.

Цифровизация экономики и других сфер общественной жизни требует консолидации усилий различных стран и унификации правовых стандартов в области регулирования искусственного интеллекта. В этом контексте отдельные авторы, например Рольф Вебер [26], выступают с идеей создания «глобального права» (*global law*), призванного регулировать отношения с использованием ИИ.

Динамика политических процессов в международной жизни последнего времени свидетельствует: было бы излишне оптимистичным утверждение, что мировое сообщество, действуя как целое, готово к созданию «глобального» регулирования даже по самому узкому кругу общественных отношений. В этой связи промежуточным решением проблемы может стать создание и внедрение региональных стандартов в сфере использования ИИ (например, в рамках Европейского союза или Евразийского экономического союза).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несомненно, развитие информационных технологий требует переоценки многих классических правовых институтов. Важно понимать, что анахронизм отдельных правовых принципов и теорий не должен вставать на пути прогресса. Вместе с тем было бы неправильно уходить в другую крайность и произвольно разрушать правовую систему, основанную на многовековой традиции и доказавшую свою эффективность.

Развитие технологий искусственного интеллекта поставило вопрос о целесообразности признания его полноправным субъектом правоотношений. В данной статье предпринята попытка ревизии основополагающих правовых категорий для целей их соотнесения

с понятием искусственного интеллекта: проанализированы проблемы авторства, личных прав автора, юридической ответственности и т.д. Исследование показало, что искусственный интеллект не может считаться субъектом права. Напротив, он должен рассматриваться в качестве объекта прав, а в экономическом отношении — орудием труда человека.

Признание ИИ объектом прав само по себе не решает проблему, а открывает дискуссию о новом поколении прав человека в отношении искусственного интеллекта. Очевидно, что такая дискуссия должна вестись с учетом непреложной истины: любое развитие и совершенствование законодательства в сфере искусственного интеллекта как на уровне национального законодательства, так и на наднациональном уровне должно быть основано на общеправовых ценностях примата прав человека, всемерно учитывать его интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право: учебник, в 4-х т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. 2. С. 262 (автор главы — Н.В. Щербак).
2. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. М.: Юридическая литература, 1972.
3. Гордон М.В. Советское авторское право. М.: Юриздат, 1955. С. 63.
4. Тимофеев А.А. Определение критериев творчества в произведениях периодической печати // Вестник МГУ. Сер. 10 «Журналистика». 2010. № 3. С. 172–186.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СПС «Консультант Плюс».
6. Artificial Intelligence & Intellectual Property / ed. by R. Hilty, J.-A. Lee, K.-Ch. Liu. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 1.
7. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 46. № 3.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. С. 5.
9. Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности // А.Н. Леонтьев и современная психология: сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 20.
10. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1960. Т. 23. С. 189.
11. Riggsby A.B. Roman Law and the Legal World of the Romans. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 99 ff.
12. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 114 и далее.

13. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 10–15.
14. Конституция Российской Федерации (принята все-народным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
15. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву / Предисл. А.Л. Маковского (сер. «Классика российской цивилистики»): в 2-х т. М.: Статут, 2015. Т. 1. С. 157.
16. Copyrightable Authorship: What Can Be Registered // Compendium of U.S. Copyright Office Practices, 3rd ed. — URL: <https://www.copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).
17. Barthes R. La Mort de l'auteur // Manteia. 1968. № 5. P. 12–17.
18. Ульбашев А.Х. Правовые и этические основы журналистики: Учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 155–156.
19. Черноусов Д.А. Проблема авторства при использовании систем искусственного интеллекта для создания РИД // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47. № 4. С. 88.
20. Федотов М.А., Наумов В.Б., Будник Р.А., Тютюк Е.В. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47. № 4. С. 73.
21. Steinberg M.W. England's Great Transformation. Law, Labor, and the Industrial Revolution. Chicago: The University of Chicago, 2016. P. 26–50.
22. Holmes O.W. The Common Law. Boston: Little, Brown, and Company, 1881. P. 1 ff.
23. Law and Artificial Intelligence. Regulating AI and Applying AI in Legal Practice / ed. by B. Custers, E. Fosch-Villaronga. Heidelberg: Springer, 2022. P. 11.
24. Brinton A. Quintilian, Plato, and the "Vir Bonus" // Philosophy & Rhetoric. 1983. Vol. 16. No 3. P. 167–184.
25. Research Handbook on Intellectual Property and Artificial Intelligence / ed. by R. Abbott. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2022. P. 6.
26. Weber R.H. Global Law in the Face of Datafication and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and International Economic Law. Disruption, Regulation, and Reconfiguration / ed. by Ch.-F. Lin, Sh.-Yi Peng, T. Streinz. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 54–69.
2. Ionas V.Ya. Proizvedeniya tvorchestva v grazhdanskom prav. M.: Yuridicheskaya literatura, 1972.
3. Gordon M.V. Sovetskoe avtorskoe pravo. M.: Yurizdat, 1955. S. 63.
4. Timofeev A.A. Opredelenie kriteriev tvorchestva v proizvedeniyah periodicheskoy pechati // Vestnik MGU. Ser. 10. "Zhurnalistika". 2010. No 3. S. 172–186.
5. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230-FZ (red. ot 30.01.2024) // SPS "Konsul'tant Plyus".
6. Artificial Intelligence & Intellectual Property / ed. by R. Hilty, J.-A. Lee, K.-Ch. Liu. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 1.
7. Fedotov M.A. Vvedenie v koncept obshchej teorii avtorstva // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 46. No 3. S. 40.
8. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii. SPb.: Piter, 2001. S. 5.
9. Asmolov A.G. Osnovnye principy psihologicheskoy teorii deyatel'nosti // A.N. Leont'ev i sovremennaya psihologiya: Sb. statej. M.: Izd-vo MGU, 1983. S. 20.
10. Marks K. Kapital // Marks K., Engel's F. Soch. v 50 t. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1960. T. 23. S. 189.
11. Riggsby A.B. Roman Law and the Legal World of the Romans. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 99 ff.
12. Khalifa R.O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. M.: Yuridicheskaya literatura, 1974. S. 114 I dalee.
13. Sukhanov E.A. Sravnitel'noe korporativnoe pravo. M.: Statut, 2014. S. 10–15.
14. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS "Konsul'tant Plyus".
15. Fleyshitz Ye.A. Lichnye prava v grazhdanskom prave Soyuzo SSR i kapitalisticheskikh stran // Fleyshitz Ye.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu / Predisl. A.L. Makovskogo (ser. "Klassika rossijskoj civilistiki"): v 2-h t. M.: Statut, 2015. T. 1. S. 157.
16. Copyrightable Authorship: What Can Be Registered // Compendium of U.S. Copyright Office Practices, 3rd ed., <https://www.copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (data obrashcheniya: 25.02.2024).
17. Barthes R. La Mort de l'auteur // Manteia. 1968. No 5. P. 12–17.
18. Ulbashev A.Kh. Pravovye i eticheskie osnovy zhurnalistiki: Uchebnik. M.: Yurajt, 2023. S. 155–156.
19. Chernousov D.A. Problema avtorstva pri ispol'zovanii sistem iskusstvennogo intellekta dlya sozdaniya RID // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47. No 4. S. 88.

REFERENCES

1. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik. V 4-h t. / otv. red. E.A. Sukhanov. M.: Statut, 2019. T. 2. S. 262 (avtor glavy — N.V. Schterbak).

20. Fedotov M.A., Naumov V.B., Budnik R.A., Tytyuk E.V. Rol' iskusstvennogo intellekta v sfere intellektual'noj sobstvennosti: rezul'taty ekspertnogo oprosa // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47. No 4. S. 73.
21. Steinberg M.W. England's Great Transformation. Law, Labor, and the Industrial Revolution. Chicago: The University of Chicago, 2016. P. 26–50.
22. Holmes O.W. The Common Law. Boston: Little, Brown, and Company, 1881. P. 1 ff.
23. Law and Artificial Intelligence. Regulating AI and Applying AI in Legal Practice / ed. by B. Custers, E. Fosch-Villaronga. Heidelberg: Springer, 2022. P. 11.
24. Brinton A. Quintilian, Plato, and the "Vir Bonus" // Philosophy & Rhetoric. 1983. Vol. 16. No 3. P. 167–184.
25. Research Handbook on Intellectual Property and Artificial Intelligence / ed. by R. Abbott. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2022. P. 6.
26. Weber R.H. Global Law in the Face of Datafication and Artificial Intelligence // Artificial Intelligence and International Economic Law. Disruption, Regulation, and Reconfiguration / ed. by Ch.-F. Lin, Sh.-Yi Peng, T. Streinz. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 54–69.